

An aerial photograph of a city during autumn. The foreground is dominated by a wide, unpaved dirt road with several cars. The middle ground shows a mix of residential and industrial buildings, with a prominent tall brick chimney on the right. The background features a range of blue mountains under a sky with scattered white clouds. The overall color palette is warm, with golden yellows from the trees and cooler blues from the mountains and sky.

Евгений Часовенный

СКОТНЫЙ ДВОР 1984

Евгений Часовенный

СКОТНЫЙ ДВОР 1984

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72228010

SelfPub; 2025

Аннотация

Далёкие восьмидесятые годы 20 века в СССР. Продовольственный кризис, пустеющие полки магазинов заставляют КПСС разрабатывать Продовольственную программу и объявить курс на "смычку города с деревней". По всей стране стали строится гигантские животноводческие комплексы, птицефабрики и свинокомплексы, а рядом – жилые кварталы для их работников. Но для этого требовалось огромное количество рабочих рук, которых не хватало, и для этих строек привлекались осуждённые. Про одну из таких строек – Емецкий животноводческий комплекс, который строили заключённые одной из "зон" Архангельской обл., про внутренние процессы, жизнь и приключения в этой колонии и рассказывает эта книга. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации. Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Содержание

Глава 1. Обмен	4
Глава 2. 1984	11
Глава 3. Два дня из жизни Александра Максимовича	16
Глава 4. Скотный двор 1984	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Часовенный

Скотный двор 1984

Глава 1. Обмен

Загремел замок металлической двери камеры, и она со скрипом распахнулась. – ну что сидельцы, выспались? давай Петровский на выход, хозяин тебя заждался! Сходи за своей пятнашкой и быстро обратно – захохотал прапорщик Петренко, звеня ключами. – что-то давненько ты у нас не отдыхал, я уж подумал, что за ум взялся перед «звонком»! А вы быстро нары подняли и пайку ждите, сегодня день "лётный" – сказал он остальным. Весело ослабившись, он открыл замок на второй, решётчатой двери. Я вышел в обшарпанный коридор и, встав лицом к стене, ждал пока он их снова закроет. Зайдя в дежурку штрафного изолятора, привычно открыл крайний шкафчик и стал переодеваться. Серый, затёртый до дыр, костюм х.б. с криво намалёванными на спине белыми буквами – ШИЗО, и черные дырявые тапки из кожзаменителя – отправились в шкаф, я быстро натянул свою белую футболку, новый чёрный костюм со стрелками на брюках и накладными карманами на куртке, в котором с большим трудом можно было узнать рабочую робу и тоже чёрные, начищенные до блеска, ботинки. – Ну ты, Мастер,

и стилига – сказал прапорщик: – сейчас «хозяин» твой прикид оценит – на все пятнадцать суток! – так мы вчера после баньки сидели, никого не трогали, на душе – благодать. Поллитровку замутили, коробку глюкозы приготовили, думали пока заварится на вечернюю поверку сходим и, сука, на тебе. кум откуда – то нарисовался, бухой! – Да слышал уже про твои с ним разборки вчерашние! Что, в падлу было помаршировать по его команде? – спросил он. – А с каких веников? Нас блин, что – в армию призвали? Налево, направо – шагом марш! Я уже своё отслужил, хватит! – ладно – сказал Петренко – хорош трепаться, пошли быстрее в штаб, уже звонили, ждут тебя! – А Герасим где? Его что, не вызывали? – его позже значит, это ты у нас «отрицалово» шибко известный – сказал прапорщик. В коридоре штаба, перед дверью кабинета начальника «зоны», уже стоял Морозов – завхоз седьмого отряда, в котором я и отбывал срок последние четыре месяца. Петренко постучал и заглянул в кабинет. – Привёл? – слышался голос начальника – заводи давай! И я зашёл в кабинет. Напротив, у стены, под портретом Дзержинского в деревянной раме, стоял большой стол начальника колонии общего режима УГ 42/12 (более известной в народе под названием «Холмы», от названия Холмогорского района Архангельской области, где она и располагалась). А за ним, в резном деревянном кресле, творении талантливого зэка – художника, сидел сам «хозяин» подполковник Некрашевич и смотрел на меня ледяным взглядом. Спра-

ва и слева, вдоль длинных стен кабинета, расположились на стульях начальники всех семи отрядов «зоны», замполит, зам.по режиму и двое дежурных помощников начальника колонии (ДПНК). «Кум» – начальник оперчасти ст. лейтенант Бибяев (из – за которого я и оказался вчера в штрафном изоляторе), почему – то отсутствовал, что меня совсем даже не расстроило. Подполковник оглядел меня с головы до ног и спросил: – блатной значит? отрицалово? вырядился как на праздник! Я чуть не ляпнул, как студент в фильме про экзамен, что встреча с Вами – всегда праздник, но сдержался. – Почему блатной, гражданин подполковник? Всё как положено, никаких нарушений формы одежды! Аккуратно одет – блатной! Плохо одет – чушок, на всех не угодишь! – споришь значит, приказы начальства не выполняешь, режим нарушаешь. Сколько в ШИЗО отсидел? Наверное, уже в ПКТ (помещение камерного типа) пора? – опять спросил он – за весь срок? не помню точно, не считал – ответил я. В это время у него на столе зазвонил телефон и Некрашевич взял трубку! – Добрый, добрый, рад тебя слышать!.... твоими молитвами, нормально! как сам? – говорил он в трубку. Я сразу, каким – то звериным чутьём, понял, что звонит начальник Емецкого участка ПМК-991 Бересневич Георгий Иосифович и весь превратился в слух. В посёлке Емецк, расположенном в сотне километров отсюда, уже больше восьми лет строился огромный животноводческий комплекс, а рядом располагался отдельный участок нашей зоны, в котором

было 2 отряда и находилось около 240 – 260 эков, которые и строили его под руководством мастеров и прорабов ПМК – 991. Я, хотя и был эком, но около полутора лет проработал там мастером (за что и получил своё "погоняло" – Мастер), а почти год назад был неожиданно вывезен оттуда на головную зону, по оперативным соображениям местного «кума» капитана Некрасова, который не без оснований, но без доказательств, считал, что я заимел там слишком много влияния и большинство нелегальных схем по отправке писем, завоза продуктов и спиртного в зону, было завязано на меня. Самое интересное, что Бересневич (как выяснилось потом) не знал куда меня отправили: ему сказали, что я ушел на «химию» (стройки народного хозяйства). И вот я, мастер – строитель, вместо того, чтобы нормально работать на строительстве животноводческого комплекса, почти год занимался всякой ерундой на «Холмах», где практически не было работы, часто попадая в штрафной изолятор и меняя отряды. Но месяц назад сюда вдруг приехал Бересневич, набирать к себе работников имеющих строительные специальности и опыт работы, так как завершение строительства комплекса уже виднелось на горизонте: бетонные и земляные работы сменялись отделочными, столярными, сантехническими, а для этого требовались специалисты. При моём появлении в кабинете начальника третьего отряда, где он обосновался отбирая кандидатов, тот потряс головой и сказал: – свят, свят, свят! Ты откуда Саша? Мне сказали, что тебя на

«химию» отправили! – Привет Георгий Иосифович! Хорошо выглядите! – сказал я и продолжил – Да «кум», сволочь, меня сюда сплавил, по «оперативным соображениям»! Заберите меня обратно, а? Надоело тут «шишки пинать»! То в ШИЗО сижу, то в отряде пухну! – Ну, деятели – ругнулся он – попробую конечно! Ты мне там очень нужен, но сам понимаешь, не всё от меня зависит. Попытаюсь вытащить! – Ну ладно, спасибо! Буду ждать! Привет ребятам передавайте! И попрощавшись пошел к себе в седьмой отряд. И вот теперь я слушал разговор «хозяина» с начальником Емецкого участка и понимал, что от этого зависит как, и в каких условиях, я буду отбывать оставшиеся полгода срока. – Да в ШИЗО он у меня сидит, в ШИЗО. Выйдет – отправлю тебе его! – сказал начальник в трубку. В это время сидевший первым от стола «хозяина» капитан Игошин – начальник первого отряда, где содержались бесконвойники и хозперсонал: повара, банщики, локальщики и прочие работники зоны, сказал громким шепотом: – Петр Николаевич, спросите у него цепи для пилы «Урал» – сколько? – да хоть десяток! – Георгий Иосифович, не выручишь цепями для «Урала»? десяток хотя бы? – спросил начальник и выслушав ответ в трубке, прикрыл ее ладонью и сказал капитану: – только для «Дружбы» – берите для «Дружбы», поменяем! – ну давай для «Дружбы», пойдёт – и опять послушав, снова ответил: – да в ШИЗО он, в ШИЗО. Выйдет, отправлю – когда я тебя, Иосифович, обманывал? Ну давай, спасибо, приеду на стерлядку, конечно! И по-

ложил трубку. Я сразу понял, что речь шла обо мне и решительно заговорил: – гражданин подполковник! сегодня этап на Емецк, отправьте меня туда, я строительный мастер, мне 27 лет, не пацан какой приклатнённый, полгода всего сроку осталось, а дома жена с ребёнком! Мне работать надо, алименты зарабатывать и семье помогать, пользу приносить как раньше, а не здесь шишки пинать: сетки вязать и на «киче» мерзнуть! Работал же там раньше и ни нарушений, ни жалоб на меня не было! Подполковник подумал немного и вдруг сказал: – ладно Петровский, чёрт с тобой, как ты мне надоел! проваливай с сегодняшним этапом на Емецк но, если я только ещё раз твою фамилию услышу, приеду сам за тобой и на своей «Волге» лично тебя в ПКТ доставлю, где ты до «звонка» и будешь сидеть в самой холодной камере на хлебе и воде, и выйдешь оттуда на волю ветром качаясь, стриженный и грязный! Понял меня? Он смотрел на меня, как удав на кролика! – Как не понять? – ответил я, и добавил: – можно идти? – иди! И я выкатился из кабинета. У дверей стоял мой кореш Сашка Герасенков, дожидаясь решения своей участи. – Саня, я на Емецк, «хозяин» добро дал! Попробую потом тебя туда вытащить. Держись! Мы пожали друг другу руки и он зашел в кабинет. Я посмотрел на разочарованного завхоза и сказал ему: – давай Мороз, двигай в отряд, сегодня не твой день! Пусть там шнырь соберёт мой баул, из тумбочки всё выгребет и принесёт мне сюда! Возьми себе пачку чая в банке со "слоном", и пачку «Столичных» на

верхней полке в тумбочке, чифирнёшь вечером со своими! И нагнувшись к его уху прошептал: – левую заднюю ножку тумбочки вытащи, там червонец, заberi его себе, но когда Герасим выйдет с "кичи" – подогрей его нормально! – ладно – сказал завхоз – ты, конечно, Мастер сволочь тот ещё, сколько мне нервов истрепал и "крови выпил", но умеешь ты себя красиво поставить и удивить! – не переживай, всё сделаю в лучшем виде – и ушел в отряд. Минут через двадцать прибежал дневальный с моим баулом и бушлатом – всё собрал, кроме банки с чаем и пачки «Столичных», их Мороз взял – сказал шнырь. – нормально всё, я в курсе – и вытащив из баула две пачки «Примы», протянул ему. – держи Серый, не поминай лихом! – да ты что Мастер, благодарю, удачи тебе там! – и тебе не хворать – ответил я!

А ещё через час я сидел в «воронке», вместе с тремя десятками зэков, только что привезённых этапом с тюрьмы, молча курил, смотря через решётку на мелькающие вдоль дороги деревья и покосившиеся деревенские домики. Напряжение последних часов потихоньку отпускало, и только мысль о том, что меня обменяли всего лишь на десять цепей для пилы «Дружба» – и смешила и расстраивала, показывая нашу реальную ценность во Вселенной!

Глава 2. 1984

Шёл апрель 1984 года. Я сидел за столом в своём вагончике – прорабской не поднимая головы, и пытаюсь успеть до конца дня добить наряды хотя бы по одному объекту, где трудилась моя бригада. Пачки бланков нарядов и табелей, вперемешку со сборниками ЕНИРов и смет, прижатые пепельницей и металлическим арифмометром «Феликс», были разложены по всему столу. Клубы дыма, после планёрки, плавали по вагончику от только что отправленных мной по своим рабочим местам, и просто к «чёртовой матери», чтобы не отвлекали, бригадиров и корешей. – Старый – сказал я, сидевшему на табурете у стены, шнырю – дневальному – открой дверь, проветри помещение и, подняв глаза, вдруг увидел, что вдалеке, в нашу сторону идёт какой-то мужик в чёрной шляпе с короткими полями, строгом костюме и светлой рубашке с галстуком. Моя прорабская стояла на площадке из дорожных плит, между бетонных стен будущей силовой траншеи, примерно в ста метрах от ворот для въезда в промзону техники, и дверей проходной, через которые, после проверки пропусков солдатами внутренних войск, проходили вольные работники ПМК – 991, а иногда: проверяющие строительство комплекса различные комиссии и высшее начальство. Вагончик был расположен так, что когда его наружная дверь открыта, через внутреннюю – остеклен-

ную, было видно кто заходит и какая техника заезжает в «зону». Этому мужика я не знал, никогда не видел, и это было очень странно. Начальство всегда заходило на объект, где трудится спецконтингент (а проще говоря – заключённые) в сопровождении сотрудников колонии или руководителей ПМК – 991, а он шел один. – Ладно, подумал я, разберёмся – и продолжил заполнять бланки нарядов. Через несколько минут незнакомец поднялся на крыльцо вагончика и зашел внутрь. – Здравствуйте – поздоровался он и продолжил: – я первый секретарь Холмогорского райкома партии Сорокин Илья Николаевич, и хотел бы ознакомиться с ходом строительства. Вы можете мне показать комплекс? На вид ему было около пятидесяти лет, среднего роста, крепкий и спокойный. Я поднялся из – за стола, пожал протянутую руку и тоже представился: – Петровский Александр – строительный мастер. Мои слова подтверждала пришитая на левой стороне робы чёрная бирка, с написанной на ней белым шрифтом: фамилией, инициалами и номером отряда. – конечно, Илья Николаевич, можем обойти комплекс, покажу Вам что сделано и что делается – сказал я, выходя из-за стола. Пропустив его вперёд, я задержался у двери и негромко сказал дневальному: – ноги в руки Петрович, беги и предупреди всех бугров, чтобы работники пахали как Павка Корчагин, никаких перекуров и шатающихся: головы поотрываю, если встречу какого-то бездельника. Тот кивнул и, подождав когда мы зайдём за бытовку, рванул по объекту. Я догнал пер-

вого секретаря и мы пошли к ближайшему зданию. Строящийся, уже больше восьми лет, животноводческий комплекс в посёлке Емецк Холмогорского района Архангельской области – состоял из 2 каменных коровников на 400 голов каждый, родильного и молочного блоков, большой котельной, кормоцеха, ветсанпропускника и прочих объектов: гаражей, мастерских, силосной траншеи, бетонных выгулов, очистных сооружений. На строительстве этого «скотного двора», как с лёгкой руки одного москвича – зэка, бывшего преподавателя МГИМО, прозвали комплекс (не догадываясь даже какой смысл старый еврей вкладывал в это выражение) трудилось восемь бригад, в каждой из которых было от 15 до 25 заключённых, и только в недавно образованной бригаде отделочников: которую, приказом начальника зоны, пришлось возглавить мне – было больше 60 человек. Не смотря на то, что я уже трудился мастером по приказу начальника ПМК- 991, мне оставалось только подчиниться «хозяину» и завидовать обезьяне в старом анекдоте, которая не могла разорваться на умную и красивую. Обходя комплекс с первого коровника, мы шли по объектам против часовой стрелки. Я рассказывал про то, что сделано и что осталось доделать, не сгущая краски, но и не скрывая трудностей и проблем строительства. Илья Николаевич внимательно слушал, изредка задавая уточняющие вопросы. Не удержавшись: я, всё-таки, задал ему вертевшийся на языке вопрос: – как так вышло, что первый человек района приехал на объект один,

без свиты инструкторов райкома, «зоновского» начальства и руководителей ПМК? Тот усмехнулся и сказал, что «первым человеком района» его утвердили только вчера, в архангельском обкоме партии и, чтобы не терять времени, он решил на обратном пути заехать и осмотреть главную стройку холмогорского района. В Емецке, в конторе участка ПМК, никого из начальства не оказалось, и он приехал сюда с водителем, так как ещё не бывал на этом строящемся комплексе. Работа на объектах шла своим чередом, без дела никто не слонялся. Часа через два, мы не спеша обошли объект и я, набравшись наглости, пригласил его к себе в прорабскую, попить чайку и посмотреть документацию, но Первый, сославшись на отсутствие времени, поблагодарил и отказался. – Александр – вдруг сказал он: – сейчас в районе создается объединённый штаб стройки и я хочу, чтобы ты рассказал на его ближайшем заседании в Холмогорах, что сделано и какие проблемы есть на строительстве комплекса. Вот это поворот! Я решил, что за время нашего общения первый секретарь забыл про мой статус «заключённого»: в голове крутились мысли, что ответить и как деликатно объяснить всю невыполнимость его предложения. – Илья Николаевич, спасибо конечно, но вынужден отказаться по нескольким причинам – сказал я, – наш начальник участка: Бересневич Георгий Иосифович, более компетентен в вопросах строительства комплекса, и намного лучше сможет рассказать про все нюансы этой стройки... – да и охрана меня за

этот забор не выпустит, не положено. И не сдержал лёгкой улыбки. Но, оказывается, что это я не понимал в полной мере с кем общаюсь, а он ничего не забыл, и говорил это абсолютно серьёзно. – ну насчёт выпустит, или не выпустит тебя охрана – это мои проблемы, и поверь – если бы все проблемы в жизни были такими, то она была бы проста и прекрасна – сказал Илья Николаевич таким тоном, что я сразу понял почему он первый секретарь райкома партии и главный человек района, и улыбка сразу исчезла с моего лица. – ладно Саша! Спасибо за экскурсию, подробный рассказ и, думаю, что мы не последний раз встречаемся. И крепко пожав мне руку, зашел за дверь проходной! Только она успела захлопнуться, как слева, из жилой «зоны», выскочил старший лейтенант Мухаметзянов – дежурный помощник начальника колонии и, подойдя ко мне быстрыми шагами, стал взволнованно расспрашивать: -ну что, что он сказал? О чём спрашивал? А ты о чём говорил? Мне стало смешно, и я ответил ему как можно серьёзнее: – да всё про вас рассказал! Сдал вас всех с потрохами! Так что сухари суши! – и глядя на его рожу, громко расхохотался! А потом сказал успокаивающе: – да всё нормально старлей, нормально! Показал ему стройку, рассказал про комплекс! Его же это интересует, а не ваша служба. ДПНК немного успокоился и обиженно буркнул: – шутки у тебя Мастер дурацкие, вот скоро «хозяин» придет, ему всё расскажешь – посмотрю как смеяться будешь! И пошел к проходной.

Глава 3. Два дня из жизни Александра Максимовича

Это кого у тебя там ветром качает с носилками? – спросил я у бригадира шестой бригады Витька Петрова, бригада которого бетонировала выгул за родильным блоком животноводческого комплекса.

– Да москвич, «лепила», с тобой одним этапом с Холмов пришел две недели назад.

– не помнишь что – ли его Мастер? – и захохотал

– запомнишь всех, там человек 30 было в «воронке» – сказал я и спросил

– а почему «лепила»? врач он что ли настоящий? откуда взялся? Почему тогда в санчасть не взяли?

– он зубник, стоматолог, а там кумовской стукачок у медсестры Фариды Хасимовны в шнырях бегают, и хрен кого туда поставят без согласия «кума» – опять ответил Витёк.

– вот и подфартило ему ко мне в бригаду на бетон попасть – а ему уже за полтинник, вроде и жалко старого, а куда я его дену?

– отправь его ко мне в бытовку после обеда, побазарю с ним. Мне шнырь туда нужен, а то Сашка Гляненько перед отпуском не успел спросить, а вы сами будто не в теме, что Профессор откинулся, и в прорабской сейчас некому ни печ-

ку затопить, ни мусор убрать, ни вас – бугров вызвать.

Лебедь слил из закопчённого чифирбака в кружку последние капли чифира, и поставил его на железную печь – буржуйку прорабской.

– я уж думал, что ты его выжмешь как губку – засмеялся Булат принимая кружку, после сделавшего свои два глотка, кореша

– горячий больно, а так бы запросто! – и повернувшись к сидевшему в углу дневальному, вдруг спросил:

– старый, а правда, что от чифира зубы портятся? – как думаешь, за оставшийся трёшник хоть половина у меня останется? – и оскалил все свои 32 белых и здоровых зуба.

– что портятся, это точно! самое главное, чтобы они здоровые были, целые и без пломб, чифир эмаль разъедает и гарантии, что у тебя все такие же останутся, дать не могу – ответил Петрович, пятидесятилетний врач – стоматолог из подмосковья, которого я неделю назад, после серьёзного разговора, перевёл к себе в прорабскую дневальным. Нам, молодым, он казался древнее мамонта, и свой перевод с бетона в шныри, где работа заключалась в уборке бытовки, топке печки – буржуйки и вызова ко мне бригадиров и звеньевых – он воспринял как «манну небесную».

Я закурил и подключился к разговору: – а скажи дед, по-

чему ваши зубники – стоматологи не могут нормально, без боли зубы лечить и вырывать? 20 век кончается, а к вашему брату в кабинет идёшь, как в пыточную! Бормашина гудит и трясётся, укол делают – аж скрип стоит когда игла в челюсть входит. Тот помолчал и сказал:

– ну это от врача зависит, хороший врач всё без боли делает, и вдруг добавил:

– я на «Холмах» мужикам зубы и корни гвоздём удалял, и не жаловались.

– Каким гвоздём? Как это? – наши удивленные лица надо было видеть.

– Расплющивали гвоздь и затачивали. Ножа то нет, а им бы ещё проще!

Мы недоверчиво смотрели на него. – Да ладно, старый! Ты что, хочешь сказать, что можешь мне, прямо здесь, корень зуба без укола ножом удалить, и больно не будет? За «базар» отвечаешь? Тот посмотрел на нас, казалось он стал моложе, увереннее, и даже его плечи распрямились:

– давай, Саша, посмотрим, что там у тебя, садись к свету ближе. Я взял табурет, сел и широко открыл рот. Старый посмотрел и снизу и сверху, слегка поворачивая для удобства мою голову руками, что-то пробормотал и сказал:

– да, один корень внизу и один, как минимум, сверху надо удалять, больше не могу сказать без нормального осмотра или хотя бы зеркала. А эти два удалю, без проблем, если нож найдёшь, только чтобы у него кончик острый был.

– Ладно дед, скоро съём на обед – давай после него. Но ты же понимаешь, чем рискуешь? Никто тебя за язык не тянул. На бетон пойдёшь опять, если что... – понимаю – тихо сказал тот.

Все засмеялись и вышли из прорабской.

После обеда я прошелся по объектам, решил неотложные дела и, зайдя в прорабскую увидел, что народу прибавилось. Человек десять бригадиров, звеньевых и корешей ближнего круга, сидели вдоль стен на скамейках и табуретках, после «хлеба» дожидаясь зрелищ, а на моём столе были разложены шесть самодельных ножей, разных форм и размеров! Финки с наборными ручками, выкидняки и даже небольшой тесак из пилы.

– Народ, вы нормальные? – заорал я на них.

– это что за оружейная палата? Вы же мне тут пару – тройку лет дополнительных приготовили. Сейчас шмон на промке устроят и привет! Давайте быстро разбирайте арсенал и чтобы я его не видел.

– так чем он тебе корни – то рвать будет? – спросил Лебедь

– тесаком, блин, твоим, чем ещё? – и вытряхнул из своего рукава складной нож среднего размера, который взял у электрика Корня.

Этот нож я лично, полтора года назад, подогнал ему после того, как охранники отмели его самодельный ножичек, для

снятия изоляции с проводов, чуть не добавив ему сдуру срок за хранение «холодного оружия».

– держи дед! пойдёт такой для операции? – и раскрыв лезвие, протянул его старому. Тот, осмотрел, попробовал остроту кончика и одобрительно кивнул головой – пойдёт, сейчас только продезинфицирую его на огне.

– а это не лучше будет? – спросил я опять, и извлёк из кармана куртки флакон «Тройного одеколона» – спирта медицинского нет, уж не взыщи! – дед кивнул головой и взял флакончик в руки: – давно такого не видел!

Арсенал с моего стола уже куда – то исчез и я снова сел на табурет в центре бытовки.

Старый стоматолог тщательно вымыл руки с мылом под умывальником, обработал лезвие ножа одеколоном, подошел ко мне сзади и приступил к делу. Запах «тройного» разошелся по всей бытовке и я представил, что будет если сюда заявится кто-то из зоновского начальства. Но было уже не до этого. Я с детства боялся визитов к стоматологу, и всегда делал это собрав всю волю в кулак. Вцепившись обеими руками в табуретку, закрыв глаза, я открыл рот и замер ожидая что будет дальше. Старый ввёл нож меж зубов, и что-то говоря спокойным голосом неожиданно резко надавил, раздался хруст, я дернулся, а он надавливая рукой мне на плечо, громко сказал:

– всё, всё, всё – держа в другой руке здоровенный корень

зуба. Я помотал головой, приходя в себя, сплюнул на пол слюну с кровью и сказал:

– ну ты старый и фокусник!

– ну как Мастер, больно было? – спрашивали мужики, во все глаза смотревшие на этот аттракцион.

– нормально, ничего понять даже не успел! – и прикурил сигарету. Петрович спросил: – так давай верхний удалять? – нет уж, в следующий раз – ответил я ... не зная ещё, что это решение скоро выйдет мне боком.

Я вышел на крыльцо бытовки, и выбросив сигарету, вдохнул полной грудью воздух, не веря ещё, что такое может быть в реальности. А в бытовке кто-то уже занял моё место, и старый осматривал его открытый рот с блестящей фиксой на верхней челюсти. Дурной пример заразителен, как говорил кто-то из великих.

Прошла неделя и в один не прекрасный день, проснувшись утром с опухшей щекой, я понял, что «закон подлости» сработал. Болел оставшийся корень, от удаления которого я из малодушия отказался. Выйдя на промку и обойдя объекты, я пришел в прорабскую уже со складником, флаконом «Тройного» и показал старому на распухшую щёку:

– давай дед, сделай что-нибудь! – но тот, внимательно осмотрев, сказал:

– Это уже будет очень больно, воспаление пошло.

И действительно, при попытке удалить корень, я чуть не

потерял сознание и дед прекратил пытку.

–Надо идти в санчасть,– сказал Петрович:

– правда там тоже не намного лучше будет – и объяснил, что для удаления каждого зуба существует свой инструмент – щипцы, а в санчасти емецкой зоны в сейфе есть только один для всех и добавил:

– анестезия какая-то была, но не уверен, и даже если что-то медсестра и найдёт – не особо поможет.

И мы пошли в санчасть. Пока дежурный на проходной вызвал ДПНК, пока я объяснял, что почём и что до съёма мне не дожить, прошло около часа. Зайдя в санчасть и отправив местного шныря найти его начальницу – медсестру Халиду, которая отсутствовала, так как ушла пить чай и пообщаться с подругой – начальницей зоновского ларька, прошло ещё полтора часа. И когда дед всадил мне укол в челюсть, и снова стал суетливо объяснять, что лекарство очень слабой концентрации и не сильно поможет – мне уже было всё равно. Я опять сел на табурет (так как в санчасти кресла в санчасти никогда не было) вцепился в него обеими руками, и когда он таскал корень щипцами неизвестно для какого зуба, а медсестра ехидно мне говорила:

– что ж ты это Мастер стонешь, где твоя крутость? – думал только о том, чтобы не потерять сознание и не упасть. Но всё проходит, и когда удалив корень мы с дедом шли в отряд, я ещё успел сказать ему:

– дед, с меня горит! И не раздеваясь упал на свою шконку....

Наконец закончился этот, не самый лучший, но и не самый худший день лагерной жизни, которых было в моём сроке от звонка до звонка одна тысяча девяносто пять и хорошо, что в отличии от рассказа одного знаменитого писателя – високосных лет не было, и ни одного лишнего дня не добавилось.

Глава 4. Скотный двор 1984

Моё возвращение на Емецк, как потом оказалось, стало как нельзя кстати: и для руководства емецкого строительного участка ПМК – 991, и администрации зоны, да честно говоря – и меня тоже. Выскочив первым из автозака у ворот зоны, я потянулся и бросив взгляд налево, выше забора – на крышах котельной и кормоцеха увидел чёрные фигурки зэков, которые зная, что сегодня этап, пытались рассмотреть прибывших. В однообразной, тягучей жизни зоны – этап, то ещё развлечение. Пройдя через шмон, все этапники столпились у штаба и ждали вызова в кабинет местного «хозяина» – майора Бондаренко, где решалось в какой бригаде они будут работать, и в каком отряде жить. В кабинете, кроме самого майора, сидели начальники отрядов, начальник оперчасти «кум» – капитан Некрасов и двое из администрации ПМК-991: строительный мастер Сашка Гляненько и прораб Хабаров, которые при появлении меня в кабинете, улыбаясь встали и подошли поздороваться. Начальника емецкого участка ПМК Бересневича не было, и Бондаренко сразу взял быка за рога:

– ну здравствуй Петровский, представлять тебя присутствующим не буду, как и присутствующих тебе – все друг друга хорошо знаете. Подполковник Некрашевич недавно

звонил и рассказал, на каких условиях он разрешил тебя сюда этапировать и надеется, что польза от тебя будет. Поэтому давайте сразу к делу. Георгий Иосифович сам приехать не смог, но просил передать, что приказ о твоём назначении мастером объекта начальник ПМК подписал, и чтобы ты сразу приступал к работе. Но у меня для тебя есть ещё и свой приказ, мы тоже его с ним согласовали. На строительстве комплекса создаётся новая бригада, которая будет заниматься отделочными работами: штукатурными, малярными, плиточными и т.д. – и руководить ею будешь ты Петровский. Вот тебе бабушка и Юрьев день!

– что-то я не совсем понял гражданин майор! Как в том анекдоте: умные сюда, красивые туда, а бедной обезьяне разорваться что ли? – заговорил я, пытаюсь понять как мне быть и что делать.

– ничего, ничего Мастер! Справишься! Сам сюда рвался, вот и работай! Назначишь звеньевых, заберёшь к себе в бригаду специалистов – и с этапа и с других бригад! Карт – бланш тебе даю. Да и Бересневич сам ездил специалистов отбирать на «Холмах», и тебя вот снова отобрал – хохотнул «хозяин»: – и с ПМК обещали позже штукатуров подкинуть.

– Ладно, это понятно! Но скажите, что они получать-то будут? у нас работа сдельная, а что я им закрою? Не умеют же они ничего, большинство даже на стройке не работали, это же не бетон таскать и землю копать. Давайте хоть на тариф переведём.

Майор посмотрел на Хабарова и сказал:

– в корень смотрит, расскажи Иван Васильевич, что ты по этому вопросу думаешь? действительно люди и без ларьков могут остаться, и нам все показатели по зарплате в колонии испортят.

Тот встал и заговорил: – Саша прав, этот вопрос с нашим отделом по труду и зарплате порешать надо. В ближайшее время мне список бригады дайте и попробуем что –нибудь сделать.

– так может мы с Александром сейчас на комплекс пройдем, покажу ему что там сделано? Чего время терять? – сказал Александр Гляненько, мастер ПМК, который, ещё одним товарищем, приехал с Белоруссии после окончания строительного института полтора года назад, и я вводил их в курс дела, объясняя что, где, и как строится – все тонкости работы на нашем комплексе, нюансы общения со спецконтингентом, которых было великое множество: от иерархии в рядах заключённых, до фильтрации «базара» в разговоре, чтобы за неосторожное слово, самое казалось бы безобидное на воле, не получить множества проблем здесь.

– хорошо, идите – ответил Бондаренко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.